

„Голос Москвы“, г. Москва.
1911 г. 10 февраля.

Памяти В. О. Коммиссаржевской.

(1910—10 февраля—1911).

Безъ тебя, мое солнце, цвѣты,
Распустившись едва, увядаютъ...
Ты исчезла—и блескъ красоты
Съ каждымъ мигомъ невидимо таетъ.

Безъ тебя и на сердцѣ морозъ,
И печальный туманные дни.
Нѣтъ ни сказокъ, ни трепетныхъ грезъ,
И, не грѣя, мерцаютъ огни...

Безъ тебя, мое солнце, кругомъ
Не лучи, а скользящія тѣни...
Непріютенъ покинутый домъ...
Холодны и угрюмы ступени...

Олегъ Леонидовъ.

Шестнадцать лѣтъ съ небольшимъ длилась блистательная, во многомъ безпримѣрная, артистическая карьера Коммиссаржевской.

Сегодня уже годъ, какъ смерть—ужасная въ своей случайности—отняла у русской сцены ея лучший цвѣтокъ.

Въ этотъ грустный день, мысль невольно приковывается къ трагической судьбѣ знаменитой артистки.

Да, на ея долю выпадали рѣдкостные триумфы. Она была окружена такою любовью и поклоненіемъ, какимъ могутъ позавидовать избраннѣйшие любимцы русскаго общества. Ея преждевременная смерть вызвала неподдѣльную скорбь въ самыхъ широкихъ и разнообразныхъ слояхъ населенія.

Все это такъ. И несомнѣнно, что были моменты—и даже длительные моменты—когда артистка, по праву, считала себя „счастливой“.

Но насколько было хрупко это «счастье» въ условияхъ существующей дѣйствительности, русской дѣйствительности, вскрывается только теперь, когда за краткій годичный срокъ выяснилось многое изъ ея жизни, что казалось загадочнымъ и непонятнымъ.

Я не буду останавливаться на недавнемъ фактѣ, отмѣченномъ съ прискорбіемъ въ печати, что осенью, на панихидѣ, отслуженной въ день ангела покойной, къ ея могилѣ собралась лишь небольшая кучка ея родныхъ и близкихъ друзей.

Толпа непостоянна, забывчива. И, падкая на всякія манифестаціи, еще не воспитала въ себѣ чувства признательности и благоговѣйнаго почитанія памяти по отношенію даже своихъ любимцевъ.

Не буду говорить и о недавней выходкѣ одной реакціонной газеты, предложившей

„удалить“ съ кладбища Александро-Невской лавры прахъ артистки (одной изъ религіознѣйшихъ русскихъ женщинъ), какъ завѣдомой безбожницы и богохульницы.

Но что посмертная случайности, когда при жизни Коммиссаржевской многое слагалось такъ, чтобы на ней, на драгоцѣннѣйшемъ самобытномъ русскомъ талантѣ лишній разъ подтвердилась наша національная житейская истина:

— Не умѣютъ у насъ беречь и холить родныя дарованія!

Мнѣ припоминаются слова одного стараго театрала говорившаго по поводу поразившей всѣхъ смерти:

„Коммиссаржевская умерла отъ оспы. Это фактъ непреложный. Но вотъ авторитетные люди утверждаютъ, что оспа смертельна только для истощенныхъ и замученныхъ организмовъ. И на самомъ дѣлѣ, заразившіеся одновременно съ нею артисты ея труппы вѣдь всѣ выздоровѣли. Не подготовленъ ли былъ печальный исходъ годами ея скитаній по столицамъ и провинціи въ борьбѣ за свое существованіе, какъ артистки и какъ человѣка?“

Много жестокой укоризненной правды въ этомъ замѣчаніи.

Въ то время, какъ десятки болѣе чѣмъ скромныхъ и неоригинальных дарованій блаженствуютъ и доживаютъ до безполезной старости въ парникахъ казенныхъ театровъ, тамъ не нашлось примѣненія вдохновенному таланту одной изъ первыхъ русскихъ актрисъ, за все время существованія русскаго театра.

Скажутъ—Коммиссаржевская была въ Александринскомъ театрѣ и сама ушла оттуда. Совершенно вѣрно.

Она была въ Александринскомъ театрѣ. За короткій срокъ своего пребыванія тамъ она озарила давно невиданнымъ блескомъ казенную сцену. И ушла—потому что задыхалась въ атмосферѣ трогательнаго слѣяннаго закулисныхъ интригъ и бюрократическаго произвола, ставшихъ душою того искусства, къ которому приложена печать: „казенное“.

Рожденный летать, не можетъ ползать, — умѣстно въ данномъ случаѣ перефразировать крылатую Горьковскую фразу.

Служить въ частной антрепризѣ или работать за свой страхъ въ собственномъ дѣлѣ—вотъ что оставалось артисткѣ, которая была бы официально признана національной гордостью любой культурной страны.

Коммиссаржевская испытала и то, и другое.